

ЛИТЕРАТУРА ЖИЗНЬ МОЯ

- * Талант и эпоха рождают художника
- * И Ереван, и Москва, и Нурак
- * Мой современник Аристофан

ПЕРЕЖИВЕСТОК

ДУШИ

Сильва КАПУТИКЯН

МНЕ КАЖЕТСЯ, талант — это не просто хитросплетение генов. Талант — накопление качеств, собирательная творческая сила всего народа, которую природа раздает людям, сконцентрировав ее в отдельных личностях. Поэтому он не принадлежит только тебе лично и ты не вправе жить для себя; хочешь — работой, хочешь — предавайся праздности. Маршак, мой наставник во время учебы на Высших литературных курсах, говорил так: «Тот, кто освобожден от тяжкого труда пахать землю, стоять у горнила доменной печи, добывать уголь, рыть каналы, должен своим высоким служением слову и правде отплатить за эту привилегию».

В ПОСЛЕДНЕЕ время у нас в Армении много спорят по поводу одного тезиса в статье известного критика Сурена Агабабяна. Речь идет о книге Гранта Матевосяна «Деревья». «Слова «жизнь» и «действительность», хотя в словаре они синонимичны, не только в оттенках, но и в сущности своей отличаются друг от друга. Есть писатели жизни и писатели действительности. Если писатель действительности воссоздает события, были, встречи, то писатель жизни проникает, окунается в глубины явления и по-своему, философски осмысливает жизнь...»

И тут не важно, что пишешь ты — роман, лирическое стихотворение или публицистическую статью (Агабабян не утверждает, что нужно одно и не нужно другое). Главное — мера твоего таланта, широта твоей души. Так я это понимаю.

Не оппонентам ли Агабабяна отвечает и Марчинявичюс в нашей рубрике в «ЛГ»? Отвечаете, не зная об этом споре, который идет на армянском: «Я говорю — жизнь, а не действительность. Жизнь есть больше, чем действительность. Действительность может повсюду ломать и насиловать человека, но истинной судьбой ее равно будет судьба его духа. Она интересуется только искусством и литературой, которые хотят в конфликте жизни и действительности рассмотреть судьбу человеческого духа».

Есть и статьи, и стихи-однодневки, но есть и писатели-однодневки, если рассматривать их на широком фоне многовековой литературы. Есть писатели текучки, прототип констатации факта, и есть писатели, стремящиеся влиять на подспудное течение жизни, исторически, философски осмыслить ее, проследить через сито своего времени. Но не дни!

Жизни вне действительности не бывает. Ну, а если посмотреть с этих позиций на свое творчество? Моя эссеистская проза, «Караваны еще в пути» и «Меридамы карты и души», например. Может быть, здесь я не писатель жизни — писатель действительности, но сегодня это нужно, необходимо. Если придет время и будут решены большие проблемы, побуждающие писать эту, самую главную книгу моей жизни, пусть забудет она, как отслужившая, сделавшая свое дело. Не считайте меня нескромной, но когда речь идет о моей лирике, о стихах — тут очень хочется думать, что я писатель жизни.

Аветик Исаакян, который для нашего поколения был духовным наставником и как бы соединил собой классику и современность, утверждал, что если кто-нибудь из поэтов и останется в памяти людей через столетие, то это будет лирика, ибо человек вечен своими чувствами. Каждый поэт надеется вырваться из испытанного времени. Но и тогда, в будущее, если суждено, ты принесешь черты своей эпохи.

ТАЛАНТ и эпоха — только до вспышки этих двух зарядов рождаются художники. Даже если поэт не понял или не принял своего времени, оно не безразлично к нему, оно — его соавтор. Цветаева писала, что «мимо родилась времени», однако в ее стихах — ее эпоха. Спор ее с временем ушел, а поэзия осталась и ее не перенесешь в другую хронологию. Родись Цветаева со своим талантом сегодня — это был бы уже другой поэт.

Разве до Пушкина не было на Руси одаренных поэтов? Но вот прорублено окно в Европу, Россия молодая подни-

мается как новое крыло человечества, идет духовное пробуждение могучей нации, она мужает в новом испытании — войне с Наполеоном. И рождается Пушкин — поэт. Его гений — плод пробуждения национального духа. И он сам, поэзия его, дает новые силы народу, способствует его самосознанию на пути к зрелости. Или Маяковский. Или Чаренц. Могли бы они стать Маяковским и Чаренцем, если бы не революция? В их стихах — безоговорочность, утверждение, свойственная двадцатым годам. А суть нашего времени? Думаю, ему свойственны глубинность и боязнь упрощенчества, а простота видится как итог осмысленной и прочувствованной сложности. Не только столкновение контрастных цветов, как у Маяковского и Чаренца, но и чуткое распознавание оттенков.

Писатель живет и чувствует не в вечном пространстве, а на своей земле, в своем отрезке времени. Маленькая черточка между датами рождения и смерти, как много она вмещает! Родина — ведь не только география, история, великие имена и живущие рядом люди. Родина — это еще и время, тот отрезок в многовековой биографии народа, который совпадает с твоей биографией. Именно в дозорной башне своего времени глядишь и на ушедшие века, и на грядущее. Знаю, очень славны были времена Тиграна Великого, уверена — еще блистательнее станут дни будущего, но я слита с моей, сегодняшней Арменией, живой, пульсирующей Родиной, с которой вместе была и в голодные, и в счастливые дни, радовалась первому новому зданию в Ереване, вместе с ней была в час чебузданного, почти языческого ликования 9 мая, вместе с ней созидала тоннель Арпа — Севан и восстанавливала развалины древнего Гарни. «Мое время» — так назвала я свою последнюю публицистическую книгу. Не могу любить Родину вне времени.

ПО РОДУ своей общественной деятельности (член президиума Комитета по связям с зарубежными армянами) много общаюсь с нашими соотечественниками, волею несправедливой судьбы разбросанными по всему свету (у нас они называются «спюрты»). В Советской Армении, особенно в благодатные дни осени, на накомнубудь клочке гостиничного вестибюля — вся карта земного шара, съезжаются туристы-армяне, движимые ностальгией, тоской по своим истокам. Я часто думаю: чем моя любовь к Родине отличается от любви зарубежных армян, иногда истовой, до боли в сердце? Ведь и я, дочь уроженцев Вана, могла оказаться среди них, если бы моя бабушка и мать в 1915 году под страхом смерти пошли в толпе беженцев не на Восток, а на Запад. Мы едины, когда глядим на священный Арабат, когда ходим по Матенадарану, сокровищнице нашей древней культуры, когда поднимаемся к пощаму памятник жертвам геноцида. Но их любовь к Родине кончается Эчмиадзинем, моя же только начинается в Армении, ибо в душе моей живет Москва и Хатынь, Киев и Туркменистан, Михайловское и Нуракская ГЭС. Их патриотизм сугубо национален, мне же новый слой чувств дает то, что называется «советским образом жизни».

Армянская культура переживает сейчас новую эпоху возрождения. Благодаря переводам на русский становятся известными миру творения древних поэтов, философов, историков, математиков, сплесненные в огне пронесенные через века нашим народом. И вот Чингиз Айтматов для своего романа «И дольше века длится день» берет эпиграфом строки тысячелетнего нашего Нарекаци, о котором теперь говорят как о вновь взшедшей звезде (хотя о качестве переводов еще можно спорить). Прочитав Нарекаци, устремился в Ереван с украинцем Иваном Драч, чтобы постичь «концентратор земли, камня и духа», так он назвал Армению. Два главные темы переплетены в моем сознании, моем творчестве: земля отцов — Армения, ее вчера, сегодня и завтра, судьба моего народа и те дороги, что вели меня к другим народам нашей страны. И если сердце мое изобразить точкой, как помечают на карте города, то, по-

добно пунктирам магистралей, пролудит через него разветвленными нитями, с одной стороны, пути к моим братьям по крови — армянам, рассеянными в мире, а с другой — во все нонцы Советского Союза, к собратьям по духу, которые мне все-таки ближе. (Нашу общность сердец я как-то назвала своего рода эмоциональным интернационализмом.) И эти дороги соединяются на территории моей души.

Сидящий лишь в скорлупе своей нации нищает духом. Беден и тот, кто лишен национальной гордости и лихим взмахом пера вычеркивает свое, заменяя всеобщим. Интернационалист тот, чья душа проникнута любовью к своей нации и в то же время распахнута навстречу дру-

гим народам. Черпая из общей копилки и щедро одаривая других, он обогащается дважды — тем, что берет, и тем, что дает.

В 1947 году с М. Маркрян и Г. Эмином мы поехали в Москву на семинар, которым руководил П. Г. Антокольский. Там были М. Луконин, С. Гудзенко, М. Дудин, С. Орлов, А. Недогонов, М. Максимов, П. Воронько, И. Нонешвили, Р. Маргиани, В. Тушнова. Читая их потом в журналах, покупая их книги, я думала: семинар продолжается.

У меня есть стихотворение «Русскому другу». Оно посвящено Марии Петровых. Она и Вера Звягинцева, приехавшие в конце войны в Армению, переменили течение всей моей жизни. С ними пришло чувство общности, которое соединяет меня с миром. Наша дружба с Марией Петровых длилась 30 лет.

В хрупкой внешне, удивительно скромной этой женщине была скрыта огромная сила, металл в характере. Для меня она была как внутренняя совесть, всегда в дни сомнений я обращалась к ней — она одобряла или осуждала, и я знала: она права. Ей первой всегда читала свои новые стихи. Когда беседовала с ней, то забывала, по-русски я говорю или по-армянски. Это был особый язык — язык души.

Ныне, после долгого, долгого перерыва, законченного работой над прозаическими книгами, вновь родились стихотворные строки. (Правда, я говорила уже, что и прозу свою считаю частью работы поэта. Просто то, о чем хотела сказать, не ложилось в рифму, требовало большего полотна. Да и что такое художественная публицистика, если не родная сестра поэзии? Ведь и то и другое гребует обаяния души.)

Но тут, случайно или нет, между пушкинским праздником в Михайловском и Всесоюзным писательским съездом, две недели в Малеевке подарили мне новые стихи. Они совсем иные, чем прежде, 15 четверостиший-раздумий. Годы, опыт, виденье, диктуют и форму, и содержание. Впервые есть стихи и... нет Марии. Сердце мое предположительно, кому открыть его дверь?

Мои новые песни кому отнеси? Кому прочтешь? Только ты умела плакать по-армянски, переводить мои слезы... Кому отнеси? (Пока это подстрочник)

Готовлю теперь в переводе на армянский язык поэзию Марии Петровых, перевела Веру Звягинцеву, Веронике Тушновой, очень близкого мне поэта, хочу перевести Ирину Снегову. Хочу хоть чем-то возместить свой долг моим ушедшим друзьям. Ведь благодаря им мои стихи впервые стали известными за пределами Армении.

АВЕТИК ИСАКЯН когда-то говорил, что звуки слаще, чем дети. Дети — капитала, а внуки — проценты с капитала, потому что это радость сверх положенного. То, что знает меня мой народ, — это мой капитал. А вот то, что далеко от дома меня понимают, — это уже проценты.

Одна моя знакомая, зарубенная армянка, побывав у нас, сказала: «Как у вас любят стихи, как чтят поэтов! Какое это богатство! Да ты просто архимиллионер». Она была права.

Более двух лет веду на республиканском телевидении цикл «Честь нашего дома». Телепублицистика — новый для меня жанр. Но это продолжение привычного мне способа жить — жить, вмещаясь в то, что вызывает тревогу и озабоченность, а тревога эта рождает энергию для борьбы. Когда нет тревоги, появляется

успокоенность. От успокоенности не бывает хороших стихов. Уверена, если бы телевидение существовало во времена Ованеса Туманяна, он обязательно использовал бы это могучее оружие. Да, действительно, телевидение отнимает массу времени. И еще надо читать множество писем и отвечать на них. Но это тоже моя жизнь, в литературе или вне литературы, как хотите!

Мой маленький народ с его трудной историей привык связывать помыслы и надежды, несвершившиеся мечты и нерешенные проблемы с тем или другим общественным деятелем, писателем, ученым. И часто приписывает ему больше, чем то действительно сделал. Осознание этого и позволяет трезво, объективно оценивать ситуацию. А слава — вещь коварная. Надо четко себе представлять, что здесь действительно обеспечено золотом, а что — результат инфляции.

Не дай бог уподобиться «Пушкину местного масштаба» (цитируя удачное определение Ч. Айтматова из выступления в этой нашей рубрике).

И, может быть, звезды по стране, огромные просторы российские, большие города, где тебя мало кто знает, помогают понять, что ты стоишь на самом деле, что ты сделал и чего не сделал.

Мы иногда как-то суетно живем. Упомянули ли в газете твое имя? Какую дали награду? Сколько раз переиздали книгу? Жизнь надо мерить иными ценностями.

Но не просто поставить черту, где кончается суета, а где начинается общественная активность. Есть и обратная сторона медали — излишняя скромность, чрезмерная «несуетность». И вот имена многих писателей, достойных высочайшей трибуны в газете или журнале, недостаточно известны всеобщему читателю, зато старания других, полуталантливых, но более энергичных, дают плоды — выходят книги, мелькают имена. Думаю, не только в Армении — в других республиках найдется немало тому примеров. Безусловно, критики, издатели, редакция должны разбираться, где истинное, и это истинное пропагандировать. Но обвиняю и самих «несуетных». Чем более талантлив писатель, тем больше его затворничество ощущается народом и в конечном счете вредит самому писателю.

Я ОЧЕНЬ люблю Гранта Матевосяна. Считаю, что он как прозаик еще недостаточно оценен. Но, к сожалению, он нечасто балует нас выступлениями в прессе или на трибуне, хотя каждое яркое, темпераментное его слово будоражит умы, заставляет спорить. Помню его речь на нашем писательском пленуме, беседу с А. Марченко на страницах журнала «Вопросы литературы». То, что он там говорит о литературном труде, о творческом процессе, о так называемой «кухне» писательской, — это великолепно. Но не могу согласиться с одним его высказыванием: Г. Матевосян считает, что невозможно сегодня писать о геноциде, о жестокости резне 1915 года, что тема эта вне литературы. Не вне литературы — вне жизни, вне человечности эта тема! И разве только армяне касаются она? А Сальвадор? А Южная Африка? Мало ли примеров и сегодня!

Гитлер, призывая к уничтожению неугодных ему народов, отправлял свои войска убивать без жалости и без пощады, мол, история все спишет, говорил: «Кто помнит сейчас, как турки истребили армян?» Империалистические державы молча согласились забрызгать про кровь полутора миллионов моих соплеменников, но давайте вспомним мудрые слова Анатоля Франса: «Народ, который не хочет умирать, убить невозможно». Существует собирательная память поколений, ее тоже нельзя убить — она переходит из века в век, из крови в кровь. Она хранит традиции и культуру народа. И она предостерегает мир от повторения трагедий. Народную боль не забудешь, и о ней надо писать. Как надо вновь и вновь обращаться к страницам Великой Отечественной войны. Прекрасно сказал Виктор Астафьев: «Эта великая способность — двинуться навстречу страданиям своего народа — отнюдь не тому, что называется гражданским подвигом». Или Д. Гранин и А. Адамович, их «Блокадная книга»? Конечно, приятнее писать о радостных

часах человечества, но они чувствовали, что должны сделать эту трудную книгу во имя памяти о народном мужестве и стойкости.

Я против нагнетания жестокости, против кровавых рек на книжных страницах, но показать философскую античеловечности, но поднять тему стойкости и жизнеспособности народа необходимо.

ЭТИ СТИХИ я написала, когда мой мальчик только начал говорить (у нас сказав ли бы: «Открылся язык»):

И если мать забудешь ты, Армандской речи не забудь.

Видела потом эти слова начертанными на памятных медальонах и на стенах армянских школ в Египте, в Сирии, во Франции и Америке. Язык — та пуповина, которая связывает зарубежных армян со своим народом. Нет земли, нет общей эконоимической почвы; единственное, что можно сохранить, за что бороться, чтобы сберечь свои национальные черты, — наш язык. Работая в Комитете по спюрку, может быть, более остро, чем иные, я ощущаю это.

Наша Советская Армения — наше счастье. Пусть 80 процентов маленькой республики — горы, пусть нелегко обрабатывать каменную землю, народ наш сумел не только возродить, но и приумножить свою культуру. И мы благодарны великому русскому языку, который сделал ее достоянием человечества и открыл нам кладовые мировых ценностей науки и искусства. Но ведь в общей социалистической культуре мы идем через расцвет своего национального, самобытного, чем можем обогатить других. И потому в наш век, прикоснувшись к вечности и бесконечности космоса, оторвавшись от земли, человек почувствовал себя еще крепче привязанным к своему месту на планете, еще ближе прильнул к своим основам, держась за корни свои, чтобы противостоять всяческой невестомости.

Родная литература, родной язык видятся мне среди этих корней. И мы, писатели, призваны сохранить их. На каком языке писать свои книги? Не проще ли, минуя перевод, сразу устремиться к широкому читателю? Отвечу так: вместе с солнцем, вместе со светом, с материнским молоком впитывается и язык. Вот на этом языке — языке колыбельной песни, я уверена, и должен писать писатель.

Мне кажется, что язык, стиль — это словесный двойник личности. Не обязательно — это язык твоей нации. Для Мариэтты Шагинян родной язык — русский, и она сама — явление русской литературы. Уильям Сароян принадлежит литературе американской, и хотя по темам, по духу, по внутреннему заряду он плоть от плоти армянского народа, и хотя как один из крупнейших писателей современности, наряду с Хемингуэем, Фолкнером, Маркесом, безусловно, повлиял на нашу литературу, все же не скажу, что он армянский писатель. Грант Матевосян, хоть и не Сароян еще (да простит, он меня, что я сегодня именно его выбрала примером для подтверждения ряда своих мыслей), больше развивает нашу литературу; он пишет на армянском, живет в стихии армянской литературы, он часть процесса ее коллективного соиздания. (Такие авторы, пишущие на русском, как Айтматов или Сулейменов, думаю, лишь исключение, подтверждающее правило.)

Как сохранить свой литературный язык, его первоначальную, народную образность, как сделать, чтоб не стал он с годами лишь языком исторических памятников и жаргонной обиходной речи? Вижу, это беспокоит и Ф. Абрамова и Ю. Казанова, и В. Быкова, да и других писателей в разных республиках. И вот здесь я чувствую, как остро необходимо сегодня поднять уровень преподавания языка, истории, родной литературы в национальных школах. Но при этом с первых же классов надо глубоко изучать русский язык — язык нашего межнационального общения, и русскую литературу, и всю мировую культуру, воспитываться духом нашего времени, сочетать свое национальное с уважением и другим народам и языкам, и, оставаясь сыном своей родины, вместе с ней и через нее, быть сыном своей планеты.

НАШ ЛИТЕРАТУРНЫЙ журнал, издающийся на армянском, готовил номер, посвященный Греции. Мне дали перевести стихотворение греческого поэта, и по дороге, в транспорте, я пробежала глазами подстрочник. Поэт писал о мире, приветствовал его приход, радовался, что не надо больше носить хлеб и сыр в походном мешке, видел ликование всего живого и предвкушал радостную встречу с друзьями. Современный поэт, подумала я, близкие мне чувства, хорошо!

Глаза мои скользнули вниз, на подпись. И я увидела: Аристофан. IV век до нашей эры.

Мир! Вечно современная тема и всегда, в любом веке, необходимое условие для жизни, для творчества, для осуществления надежд.

Записи Аллы ЛАСКИНОЙ

Сильва Капутикян